

Как великий сатирик-реалист, обнажавший и высмеивавший основы несправедливых господствующих отношений, Гоголь показал в своих произведениях, что в условиях современной ему жизни трагическое тесно переплетается со смешным или, вернее говоря, составляет изнанку смешного. Изображая все то, что противоречило его возвышенным гражданским идеалам, Гоголь отнюдь не стремился подчеркивать смешное ради смешного эффекта, как это утверждали его противники; он показывал, что жизненные противоречия, производящие комические впечатления, печальны и трагичны в своей основе.

Эта особенность творчества Гоголя подтверждается и его воспоминанием о впечатлении, произведенном на Пушкина поэмой *Мертвые души*: «...когда я начал читать Пушкину первые главы из „Мертвых душ“, в том виде, как они были прежде, то Пушкин, который всегда смеялся при моем чтении (он же был охотник до смеха), начал понемногу становиться все сумрачней, сумрачней, а наконец сделался совсем мрачным. Когда же чтение кончилось, он произнес голосом тоски: „Боже, как грустна наша Россия!“¹.

В сатире Гоголя углублен и развит один из самых основных принципов реализма — о социальной обусловленности характера и поведения отдельно взятой личности. Гоголевские комические персонажи смешны не только сами по себе, как отдельные лица, но и как представители определенных социальных кругов. Сатира Гоголя направлена не против частной личности, а против формирующей ее среды. Не снимая вины с того или иного персонажа, Гоголь представляет его в таком свете, что главная ответственность падает не столько на него, сколько на породившие его общественные условия. Тем самым сатира Гоголя расширяла рамки реалистического отражения жизни и одновременно приобретала огромный гражданский пафос. Сатирические образы из гоголевских произведений побуждали передовые круги, выражаясь словами Добролюбова, «возненавидеть» их «той высшей ненавистью, которая направляется уже не против личности собственно, но против типа, против известного разряда явлений»².

В дореволюционную эпоху буржуазные исследователи гоголевского творчества нередко пытались внушить читателям лживую мысль о том, что автор *Ревизора* и *Мертвых душ* был благодушным юмористом, вполне терпимо и снисходительно относящимся к всевозможным порокам — якобы на том основании, что был убежден в извечности и постоянстве человеческих недостатков. Так, например, один из подобных «истолкователей» так и заявлял без тени смущения: «Гоголь... с добродушным юмором выставил перед нами во всей неприглядности наши коренные нравственные недостатки, в большей или меньшей степени свойственные всему роду человеческому»³. (Курсив мой — Н.З.).

Нет особой надобности доказывать, что подобная «точка зрения» представляет собою явную клевету на творчество Гоголя. Великий сатирик не относился добродушно к общественным порокам, а гневно клеймил их позором. Его резкая критика отнюдь не была обращена к отвлеченному «человеческому роду», а имела конкретно-исторический социальный адрес: самодержавно-крепостнический строй. Это убедительно доказано в трудах

¹ Н. В. Гоголь, *Собр. соч.* в 6-ти томах, т. VI, 1959, стр. 153.

² Н. А. Добролюбов, *Избр. соч.*, стр. 329.

³ В. Авенариус, *Школа жизни великого юмориста*. С.-Петербург, изд. книжного магазина П. Луковникова, 1904, стр. 260.